

Стоило Чжэн Ци увидеть это выражение лица, как его левое веко задёргалось так сильно, будто вот-вот отвалится! Он ещё не успел ничего сказать, а у Ши Чжоу уже навернулись слёзы, голос задрожал:

— А Ци, я уйду. Береги того, кто рядом с тобой, не гонись всё время за тем, что тебе не принадлежит...

Он нарочно сделал ударение на словах «что тебе не принадлежит», после чего позволил одной прозрачной слезинке скатиться по левой щеке, смочив длинные ресницы и бледную кожу. Ши Чжоу выдержал идеальную паузу, дав себе слегка захлебнуться от «переживаний», прежде чем продолжить:

— Дуань Нянь — хороший человек. Живи теперь честно. И, кроме меня, порви с теми шестью или семью, кто у тебя там ещё... Это всё грязно — вдруг подцепишь какую-нибудь заразу и заразишь Дуань Няня? И будь... нежнее. Нельзя вот так — без подготовки... это ужасно больно.

На лице Чжэн Ци отразился удар грома среди ясного неба: рот приоткрыт, глаза вылезли из орбит. Глядя, как Ши Чжоу лихо пускает крокодиловы слёзы, у него кровь мгновенно ударила в голову — от самых пяток до макушки!

Сун Дуаньянь, воспитанный в интеллигентной семье с строгостью и традициями, тем временем старательно заваривал чай для гостей, несмотря на неловкую атмосферу. Услышав слова Ши Чжоу, он вздрогнул, и поднос выскользнул из рук. С грохотом он рухнул на пол, разбив фарфор и пролив чай — звенящий треск пронзил комнату.

Цинь Яньчэн, сидевший на диване, повернулся к ним и с лёгкой усмешкой наблюдал за происходящим.

Чжэн Ци, наконец, очнулся от ступора, весь затрясся от ярости:

— Ши Чжоу!! Да когда это я хоть раз — вот так без подготовки?! Подожди... да какого чёрта я вообще тебя трогал?!

Ши Чжоу знал, что сейчас молчание — золото. И точно — Сун Дуаньянь взорвался:

— Чжэн Ци! Ты всё время говорил, что между вами ничего не было! Он жил здесь так долго — ты что, монах?! Как ты мог его не тронуть?!

— Дуань Нянь, поверь мне! Я ни черта его не трогал! Чёрт побери, Ши Чжоу, ты лучше сейчас же всё внятно объясни! — заорал Чжэн Ци.

Ши Чжоу моргнул невинно. Ну да, конечно ты не трогал того жалкого заменителя — у тебя ведь было полно опытных партнёров на стороне, которых ты даже домой таскал, чтобы развлекаться у него перед носом.

Сун Дуаньянь резко спросил:

— А тогда зачем ты вообще его держал? Из благотворительности?! Или как предмет интерьера?!

Сун Дуаньянь от природы был мягким, хрупким человеком. Какие бы басни Чжэн Ци ни рассказывал ему раньше, чтобы сгладить углы, этот внезапный, грубый спектакль, устроенный Ши Чжоу, оказался для его чувствительности слишком. Униженный и взбешённый, он весь

дрожал, захлёбываясь рыданиями, едва держась на ногах.

Ши Чжоу ощутил лёгкое сожаление — но лучше уж сейчас острая боль, чем потом долгая мука. Пусть уж лучше сразу увидит, кто перед ним на самом деле.

Вдруг Сун Дуаньнянь, словно вспомнив ту самую сцену втроём, будто прозрел. Он пробормотал, как человек, до которого дошло:

— Я понял... Теперь всё ясно. Я верю, ты действительно его не трогал, Чжэн Ци. Ты держал его на витрину. Значит...

Он поднял взгляд:

— А чьим заменителем он, по-твоему, был?

Слово «заменитель» прозвучало, как взрыв. В голове Чжэн Ци всё загудело, словно что-то коротнуло.

Он никак не ожидал, что Сун Дуаньнянь вспомнит ту его случайную оговорку — и тем более, что поднимет это сейчас. Почувствовав, как ледяной страх сковал всё тело, он машинально взглянул на Цинь Яньчэна.

Тот всё ещё сидел спокойно, уголки губ изогнуты в насмешке, а в глазах — холодный блеск, будто он наблюдает, как какой-то идиот сам себе роет могилу.

Сердце Чжэн Ци упало в пятки. Он взревел:

— Заткнись, Сун Дуаньнянь!

И, ослеплённый яростью, со всего размаху ударил его по лицу.

Резкий щёлк разнёсся по комнате.

Сун Дуаньнянь пошатнулся от неожиданного удара и рухнул на пол. Его рука угодила прямо в осколки фарфора — на белом мраморном полу тут же расплылось пятно крови.

Он уставился в никуда, будто не в силах осознать, что только что произошло — или не веря, что Чжэн Ци действительно поднял на него руку.

Ши Чжоу тоже застыл в изумлении.

Если бы не присутствие Цинь Яньчэна, удерживавшее Чжэн Ци от рукоприкладства по отношению к нему, этот удар пришёлся бы по его щеке.

— Что ещё может этот ублюдок, кроме как распускать руки? Дальше что — угрозы, изоляция, похищение? Это всё, на что он способен? Даже если потом устроит трогательное шоу с раскаянием — встанет на колени, станет умолять, причинит себе вред — это что, всё сотрёт?

Цинь Яньчэн сухо прокашлялся:

— Ши Чжоу, пора идти.

Ши Чжоу вышел из ступора. Он хотел было помочь Сун Дуаньняню подняться, но знал: с его ранимой гордостью жалость от человека в таком неоднозначном положении покажется лишь

новым унижением.

Ши Чжоу сжал сердце в кулак. Ну и ладно. Раз уж я злодей — так сыграю по полной. Пусть уж лучше сегодня мосты сгорят дотла, чем этот подонок умрёт не один.

Но теперь Чжэн Ци стал гиперчувствительным к каждому его слову. Едва Ши Чжоу прочистил горло:

— А Ци, ты—

— ЗАТКНИСЬ, БЛЯДЬ!! — завопил Чжэн Ци, почти сорвавшись с катушек, перебив его на полуслове.

Ши Чжоу схватил два огромных чемодана, «разрыдался» и с драматичностью актёра второго плана выскочил за дверь —

Но стоило Ши Чжоу пробежать до двери, как он на секунду застрял в проёме, едва не прыснув от смеха — чуть не испортил весь спектакль.

Цинь Яньчэн последовал за ним. Перед тем как выйти, он бросил на Чжэн Ци последний, непроницаемый взгляд — от которого того передёрнуло, как перепуганного перепела. Он даже не посмел встретиться с ним глазами.

В машине Ши Чжоу всхлипнул:

— Есть салфетки?

Цинь Яньчэн скользнул по нему взглядом. У Ши Чжоу были большие, покрасневшие глаза, ещё полные влаги, бледные щёки слегка зарумянились. Эта картина, казалось, что-то напомнила Цинь Яньчэну — пальцы на руле внезапно сжались, костяшки побелели.

Молча он протянул коробку с салфетками.

Ши Чжоу уставился в окно, наотмашь выдернул несколько штук и начал яростно вытирать слёзы, а потом с досады со всей силы стукнул кулаком по центральной консоли.

— Чёрт! Бесит! Прямо как в поговорке — нельзя спасти того, кто сам идёт ко дну! На кого же он напоролся? Мусор, а не человек! Такое невезение!

Он говорил не о себе — а о Сун Дуаньяне. Кто знает, чем теперь обернётся весь этот бардак? Учитывая, что это токсичная мелодрама, дальше, наверняка, будет ещё безумнее — с нарушениями закона и прочими безумствами.

Контраст между словами и внешностью Ши Чжоу был поразительным — в голосе звучала дерзость и пофигизм, совершенно не вяжущиеся с видом растроганного бедняжки.

Цинь Яньчэн плотно сжал губы, словно вдруг увидел его в новом свете. С ироничной мягкостью произнёс:

— Добрым словом не спасти обречённого, великое сострадание не спасёт самоуничтожающегося.

Ши Чжоу тяжело вздохнул, соглашаясь — но тут же ощутил, что Цинь Яньчэн говорит не только о Сун Дуаньяне. Будто намекает на нечто большее.

Но он не стал заикливаться. Вместо этого мысли ушли в практическое русло: раз у него теперь есть удостоверение личности, не стоит ли снять квартиру? Или, может, вложить остатки сбережений в взнос за какое-нибудь убогое жильё?

Молчание в машине прервал внезапный вопрос Цинь Яньчэна:

— Сколько Чжэн Ци платил тебе в месяц?

Ши Чжоу быстро пришёл в себя и моментально перешёл в дразнящую манеру:

— А что, красавчик, хочешь меня содержать?

К своему удивлению, он услышал в ответ приглушённое:

— Мм.

Ши Чжоу: ???

Раньше он намеренно прицепился к Цинь Яньчэну, прикрываясь статусом «будущей миссис Цинь», чтобы спастись. Но всерьёз он никогда не собирался задерживаться рядом.

Если он хочет выжить, ему надо держаться как можно дальше от этого психа. Чем меньше связи — тем лучше.

— Заменитель и Белая Луна — два обречённых персонажа. Вместе они не отменяют собственный крах.

Поэтому Ши Чжоу театрально возмутился:

— Как ты мог меня так оскорбить?! Всё было только ради любви! Любви, понимаешь?! Моё сердце принадлежит только доброму и нежному А Ци —

Цинь Яньчэн его перебил:

— После сегодняшнего дня «Цисин» полностью тебя занесёт в чёрный список. Все ресурсы ты потеряешь.

Слова застряли у Ши Чжоу в горле.

Ах да. Он так сосредоточился на том, какой Чжэн Ци подонок, что напрочь забыл: он ведь ещё и его работодатель. После такого цирка Чжэн Ци наверняка захочет содрать с него шкуру.

— Не переживай. Я не трону тебя. Мужчины меня не интересуют — тем более такие, как ты.

Ши Чжоу прекрасно знал, что Цинь Яньчэн — человек непредсказуемый. С ним возможно всё, и даже больше.

Но он всё же не удержался от подозрений:

— Ты что, благотворительностью занимаешься? Или моим лицом восхищаешься? Подожди... неужели твоё настоящее имя — Лэй Фэн? Ты случайно не его потомок?

(Прим. пер.: Лэй Фэн — символ самоотверженного служения народу в китайской пропаганде, считался образцовым гражданином, которого призывали подражать.)

Цинь Яньчэн неожиданно тихо рассмеялся — с насмешкой в голосе. Сняв солнцезащитные очки, он посмотрел на Ши Чжоу:

— Ты меня забавляешь.

— ...Я могу покрыть неустойку по контракту, — пробормотал Ши Чжоу, прищурившись. Это было слишком уж щедро, чтобы быть правдой.

Взять и получить выгоду на халяву? Взрослый человек уже не должен витать в облаках. Телесная связь — не конец света. Ши Чжоу, будучи открытым геем, сам бы с радостью заплатил за ночь с таким красавцем.

Цинь Яньчэн продолжал с ленивой непринуждённостью:

— Просто сиюминутный каприз. У тебя есть три минуты на раздумья.

Ши Чжоу всё ещё сомневался — пока вдруг не вспомнил: жизнь Цинь Яньчэна идёт к концу. Он умрёт тихо, в одиночестве, в какой-нибудь ничем не примечательный осенний или зимний день. Может, сегодня. Может, завтра.

А раз Ши Чжоу знал финал — не обязан ли он остаться и попытаться его спасти? Он же себя потом не простит, если даже не попробует.

Наконец он кивнул с весёлой улыбкой:

— Идёт.

Цинь Яньчэн смотрел на его сияющее лицо. Казалось, даже воздух в тесной машине вдруг стал слаще от этой радости, и от этого ощущения стало как-то не по себе.

Как будто вся его слёзная сцена пару минут назад была просто спектаклем. Что за актёр.

Ши Чжоу небрежно отбросил косичку за спину, размышляя про себя: Неужели он просто одинок?

В его трёхэтажной вилле площадью 700 квадратных метров жили только тётушка Чжан и четверо тихих домработниц, приходящих на день.

Каждый вечер он возвращался домой с работы — и дома его ждала лишь тётушка Чжан, готовившая ужин. После этого он оставался один, в мёртвой тишине, словно в склепе.

И что он там вообще делал для души? По наблюдениям Ши Чжоу — только работа, книги, фильмы и спорт. Ну не скука ли? Да Ши Чжоу и в 62 бы таким унылым не был.

— Куда теперь едем?

— На... кхе-кхе...!

Слова Цинь Яньчэна прервались резким приступом кашля. Он тут же прижал тормоз, дёрнул ручной тормоз и прикрыл рот кулаком — кашлял так, что, казалось, вот-вот задохнётся.

Ши Чжоу моментально напрягся:

— Цинь Яньчэн? Что с тобой?

Тот задыхался, не в силах вымолвить ни слова — будто лёгкие сейчас вылетят.

Это что, приступ астмы? Он что, и правда прямо сейчас собирается сыграть в ящик?

Вот дерьмо! Я ещё даже не успел изучить первую помощь и купить лекарства!

Пока Ши Чжоу исподтишка набирал на телефоне «120», Цинь Яньчэн, наконец, остановился, отдышавшись и немного придя в себя.

Он обернулся — и увидел, что Ши Чжоу смотрит на него так, будто тот уже болен раком на последней стадии.

— Я просто поперхнулся. Что, разве это проблема?

Ши Чжоу тут же заблокировал телефон и, моргнув невинно, пропел:

— Нет, конечно. Просто проявляю заботу о своём содержателе~

<http://bllate.org/book/12639/1121000>